

МАТЕРИАЛЫ и СООБЩЕНИЯ

В. В. ДАНИЛОВ

Письма Исидора Пелусиота в Изборнике Святослава 1073 года

Изборник Святослава 1073 года содержит большое число тематически подобранных выдержек и цитат из византийских авторов. Среди их имен, из которых многие обладают широкой литературной популярностью, как Иоанн Златоуст, Василий Великий, Ориген и др., остается в тени имя Исидора Пелусиота. Ни С. Н. Палаузов, перечисляя писателей, вошедших в Изборник,¹ ни И. Я. Порфирьев в „Истории русской словесности“, ни другие авторы, писавшие об Изборнике, не называют Исидора Пелусиота. Впервые в общем обзоре переводной литературы Киевской Руси Исидор Пелусиот назван в „Истории русской литературы“, изданной Академией Наук СССР в 1941 году (т. 1, стр. 191). Между тем Исидор Пелусиот в Изборнике 1073 года цитируется двенадцать раз по различным вопросам, что дает основание привести справку о нем, его сочинениях и характеризовать переводы его текстов в Изборнике.

В русской литературной историографии Исидору Пелусиоту посвящена монография проф. П. С. Казанского, но она написана сто лет назад, с церковной точки зрения, не раскрывающей наиболее интересные для нас литературные стороны сочинений Исидора.²

О его жизни не известно ничего достоверного, даже нет точных сведений о времени его рождения и смерти. То, что сообщается о нем византийскими авторами, носит схематически-житийный характер.

Исидор родился в Египте и жил во времена императора Феодосия II Младшего, царствовавшего с 408 по 450 год. Рассказывается, что он был сын „благородных“ и „благочестивых“ родителей, но оставил семью, богатство и почести и постригся в монахи в монастыре, в дельте Нила, возле города Пелусии, откуда пошло его прозвище. Письма Исидора, из которых отдельные исследователи черпали сведения о нем, дают разноречивые показания. Даже относительно времени смерти Исидора можно сказать только, что он умер после 434 года.

Этому автору приписывается большое эпистолярное наследство, доходившее, по словам константинопольского патриарха XIV века Никифора, до 10 тысяч писем.³

¹ С. Н. Палаузов. Век болгарского царя Симеона. М., 1852.

² П. Казанский. Св. Исидор Пелусиот. Прибавления к изданию св. отцов в русских переводах, ч. 14. М., 1855, стр. 472—547.

³ См.: P. Migne. Patrologiae cursus completus. Sancti Isidori Pelusiotae, epistolarum libri quinque. Patrologiae graecae, t. LXXVIII, 1864, стр. 115.

В западноевропейских библиотеках известно около 40 списков писем Исидора. Древнейший список, состоящий из 1600 писем, датирован 986 годом, и затем списки идут включительно до XVII века.

Первое типографское издание писем Исидора в трех книгах вышло в Париже в 1585 году. Оно содержит 1213 писем в греческих подлинниках, с латинским переводом Якова Билля Прунея. Следующее издание, вышедшее в 1605 году, принадлежит Кунраду Риттерсгусу, юристу по специальности, присоединившему к первым трем книгам писем открытую им четвертую книгу, с ее латинским переводом. Современники восторженно приветствовали это открытие. Знаменитый филолог Иосиф Скалигер писал Риттерсгусу: „Поздравляю тебя или, лучше сказать, литературную республику с найденным сокровищем“. В честь Риттерсгуса Скалигер написал стихи на древнегреческом языке. „Исидор, ранее изданный в свет, — так начинается стихотворение Скалигера, — это были некоторые члены его тела, а не все тело. Теперь Риттерсгус, краса досточтимых законов, радует нас цельным телом Исидора“.¹

В 1623 году Андрей Скотт издал в Антверпене по ватиканской рукописи еще 569 неизвестных писем Исидора. В 1629 году он переиздал собрания Билля и Риттерсгуса, присоединив свое собрание как пятую книгу писем Исидора. В 1638 году он повторил все издание.

На основе всех предыдущих изданий в Риме в 1670 году по почину кардинала Франциска Барберинского вышло новое издание писем Исидора, проверенное по рукописям, под редакцией Петра Поссини. Это издание вошло в греческую серию „Патрологии“ Миня как ее 78-й том. Здесь Исидору приписывается 2012 писем при 605 адресатах. Такое количество писем внушает сильное сомнение в принадлежности их одному лицу. Мало достоверно, чтобы столько писем могло сохраниться от одного автора, жившего не в центре Византии, а на ее окраине, в глухом и, повидимому, небогатом монастыре, откуда невозможно было сноситься с таким числом адресатов.

В сочинении „Рассуждение об Исидоре Пелусиоте и его письмах“ (1737) Геуман считает большую часть приписываемых Исидору писем не принадлежащими ему — или сочиненными по его образцам, или записанными с его слов и ни к кому не посылавшимися. Проф. П. С. Казанский возражал против этого мнения, указывая на имеющееся в письмах Исидора „замечательное сходство и по языку, и по духу“: „Обличительные письма Исидора, — говорит он, — кроме частых указаний в них на современность, доказывающих их подлинность, все сходны по тому смелому голосу истины, каким говорил, можно сказать, один Исидор Пелусиот“.²

Конечно, известное ядро писем Исидора должно принадлежать ему, — иначе откуда могло бы появиться представление о нем как об их авторе, но впоследствии его имя сделалось общим, ходячим в отношении эпистолярно-дидактической формы, как стало общим авторским именем имя Иоанна Златоуста для церковно-ораторской формы.

Самый факт позднейшего появления отдельных сборников писем Исидора, существовавших независимо от первых трех книг, служит косвенным доказательством того, что эти письма накапливались в среде византийских книжников в продолжение многих лет и по традиции были отнесены к одному автору. На коллективное происхождение значитель-

¹ P. Migne, ук. соч., т. LXXVIII, стр. 118.

² П. Казанский, ук. соч., стр. 514—515.

ной части писем Исидора указывает также отсутствие биографических сведений о нем. Когда он был жив, он был неизвестен, и им не интересовались. Но, применяя к Исидору слова Гоголя о себе, можно сказать, что его имя стало счастливее самого Исидора. Когда накопилось большое число писем с его именем, оно обратило на себя внимание; византийские авторы стали сообщать об Исидоре разнообразные слухи, и была создана биографическая схема по готовым трафаретам житийной литературы.

Под покровом имени Исидора Пелусиота, которым стали пользоваться как псевдонимом, появилась та обличительная смелость писем в отношении адресатов, не исключая самого императора Феодосия, на которую П. С. Казанский ссылается как на доказательство подлинной принадлежности писем Исидору, но которые так же не принадлежали ему, как большая часть оппозиционных эпиграмм в русской рукописной литературе 20—30-х годов XIX века, традиционно приписывавшихся Пушкину, не принадлежала последнему.

Хотя письма Исидора Пелусиота представляют продукт коллективной мысли, тем не менее они объединены высокой культурой языка и древнегреческими литературно-философскими традициями. Письма Исидора идут из кругов, очень близких к древнегреческой классической литературе, с выработанными литературно-художественными вкусами, где, как читаем в письме к софисту Гарпокре, „одни хвалили высоту мыслей Платона, другие — величавость Эврипида; одни любили простоту Исократы, другие — суровость Демосфена; иные, наконец, одобряли ясность и тонкость речи Эсхина“.¹

Древнегреческая классическая литература рассматривается в письмах Исидора в одной нравственной плоскости с библейской. Так, рассуждая в письме к схоластику Олимпию о том, что убеждения не всегда влияют на тех, кого стараются убедить, автор сначала приводит библейские примеры такого положения, а затем классические: „Обрати внимание, — говорит автор, — на тех, кто был вне церкви и достиг высшей славы в красноречии, в его силе и убедительности. Почему Платон, это сокровище греков, по собственному решению изгнал себя? Не потому ли, что он не мог убедить ни одного тирана? Далее, почему Пифагор, который, по общему убеждению, был исполнен мудрости, отступился от общения с Фаларисом? Не по той ли причине, что даже после такого высокого назидания последний продолжал оставаться тираном? Почему Сократ, который превосходил всех мудрецов своего века, погиб, приговоренный к цукоте? Не потому ли, что люди не сносят равнодушно тех, кто старается их исправить?“²

В письме к Офелию Грамматику автор убеждает последнего, раз он признает себя философом, сносить оскорбления, приводя в пример нравственную стойкость Сократа,³ хотя христианский писатель мог бы в этом случае назвать имена, более убедительные для христианина.

Таким образом, Исидор Пелусиот, несмотря на то, что он должен быть признан коллективным автором, является наследником классической греческой философии и литературы и оформленного, отшлифованного древнегреческого языка.

¹ P. Migne, ук. соч., кн. IV, письмо ХСІ, стр. 1152.

² Там же, письмо ССV, стр. 1297

³ Там же, кн. I, письмо ХI, стр. 185.

С этим языком встретился древнеболгарский переводчик Исидора, и в этом отношении переводы его писем в Изборнике Святослава 1073 года на древнеболгарский язык, на котором не было наследства, равного греческой литературе, представляют значительный литературно-языковой интерес.

Привожу начала цитат из Исидора в Изборнике 1073 года по фотолитографическому изданию Общества любителей древней письменности 1880 года¹ со ссылками на греческие оригиналы по изданию Миня.

1. „Более и хоуждее о единомъ пытаемо есть...“. Лист 10 об. — Migne, кн. I, письмо Герону Схоластику, № CDXXII.

2. „Исидорово отъ поспѣшньныхъ главизна. Мьнѣ хоудое вѣдѣние единое приложи отъшствие...“. Лист 34 об. — Migne, кн. I, письмо Таумазию, № CDII.

3. „Исидорово. Аште бо и небъrania имѣния и дѣвства намѣ не оустави хрѣстость...“. Лист 47 об.

4. „Коньчное Исидорово. Чесо ради Каинъ и Ламехъ разбои сътворивъша не тѣчно мучена быста...“. Лист 47 об. — Migne, кн. IV, письмо Исаю, № VIII.

5. „Исидора Пилоуснискааго отъ посълани. Въ грѣсѣхъ бо не видѣ пытаемъ есть тѣчью грѣховны...“. Лист 56 об.

6. „Исидорово посълание къ еусевию епископоу. Зиждеши, яко же глаголють, дръкѣве въ Пилоусии...“. Лист 88. — Migne, кн. I, письмо Евсевию епископу, № XXXVII.

7. „Исидорово отъ посълания. Вѣдомо же да есть, яко единого ради грѣха казниться вся земля и градъ...“. Лист 96 об.

8. „Исидорово отъ посълани. Чоудиши ли ся, любениче, како своихъ дръкѣвъ богъ не штади...“. Листы 106—106 об. — Migne, кн. I, письмо Каллопию пресвитеру, № LXXIII.

9. „Исидорово отъ посълани. Яко же не бѣ съблзна...“. Лист 205.

10. „Исидорово. Оулавляють бо оутваряюшtese мужи жены...“. Лист 207.

11. „Того же о дѣвствѣ. Еже есть оубо отъ чрѣва матера каженкъ и цѣломоудръ...“. Листы 207—207 об.

12. „Исидорово отъ посълани. Миръ святитель съвыше отъ прѣстола...“. Лист 218 об.²

Чтобы дать общее представление о степени близости древнеболгарских переводов Исидора к греческим подлинникам, привожу письмо, которое в Изборнике названо „Исидорово послание к Евсевию епископу“, в греческом оригинале, в переводе Изборника и в подстрочном, дословном русском переводе.

¹ При передаче текстов Изборника современными буквами юсы и йотированные гласные изображаются соответственно их русскому произношению; слова под титлами раскрываются.

² Мне не удалось подыскать греческие оригиналы для всех приводимых в Изборнике Святослава 1073 года переводов писем Исидора Пелусиота. Возможно, что некоторые письма, приписывавшиеся ему, сохранились только в этих переводах. В неоконченном издании Изборника 1073 года Е. В. Барсова в „Чтениях в Обществе истории и древностей российских при Московском университете 1882 г.“ (1883, октябрь—декабрь, кн. 4) есть греческие параллели к письмам Исидора Пелусиота, как они читаются в греческом подлиннике Изборника: это тексты 3-й и 5-й нашего перечисления цитат. Указываю также русские переводы некоторых писем Исидора, попавших в Изборник, в издании: Творения св. отцов в русском переводе, изд. при Московской духовной академии, 1859, т. 34, ч. 1, 1-й текст — стр. 238, 2-й — стр. 228, 6-й — стр. 25—26, 8-й — стр. 52.

Migne, т. LXXXVIII, кн. I, письмо
XXXVII

Κτίσεις, ὡς φασί, ἐκκλησίαν ἐν Πηλουσίῳ, λαμπρὰν μὲν τοῖς μηχανήμασι, πονηροῦς δὲ τοῖς ἐπιτηδεύμασι, χειροτονῶν τιμημασί καὶ ἀδικίαις, καὶ ὑβρεσίν, καὶ πενήτων ἐκπίεσμαῖς, καὶ πτωχικοῖς δαπανήμασιν, ἔπερ οὐδὲν ἐστὶν ἕτερον, ἢ οἰκοδομεῖν Σιών ἐν αἵμασι καὶ Ἱερουσαλήμ ἐν ἀδικίαις. Οὐκ χρῆζει δὲ ὁ Θεὸς ἐξ ἄλλοτριῶν θυσίαν, ἀλλὰ ταυτην ὧς θυόμενον κύνα μυσάττεται. Πausai τοίνυν καὶ κτίζων καὶ ἀδικῶν, ἵνα μὴ εἰς ἔλεγχον σοὶ ὑπὸ Θεοῦ ὁ σπκος ἐκεῖνος ὡς εὐρεθῆ μετεωρος μάλιστα ἀμενος, καταβυῶν, δὲ σου αἰώνια, ἔξ ὧν ἐκτίσθη κακῶν, καὶ τοὺς ἐστερημένους μισθοῦ ἀπαντῶν, καὶ τὴν ὄμυαν τῶν βλαβέντων ζητῶν.

Изборник Святослава 1073 г.,
л. 88

Зиждеши, яко же глаголють цръкве въ пилоснии, хътростыми оубо свѣтлоу. зълыми же нравы и неправдами и оукоры и оубогыхъ насильемъ и нищихъ трощениемъ. еже ино ничто же есть. нъ акы зьдати сионъ въ кръвхъ и ероусалимъ въ неправдахъ. не трѣбуеть же богъ отъ штюжихъ жртвъ нъ акы трѣбою полагаема пьса гноушаеться. прѣстави оубо зижда и неправдоу. да не цръкы та на обличение прѣдъ богымъ обряшеть ти ся. на высоту оубо възграждена въпьюшти же на тя въ вѣкы. и без мълчания с иеремиемъ: горе, иже зиждеть домъ свои на высоту съ неправдою и горьница своя не въ соудѣ оу ближняго ему дѣлателе тоуне. и мзды емоу не отдасть, но тѣкыхъ злыя съзъдася и лишеныхъ напѣдъ прося и отъмышления врѣжденныххъ възиска.

Приводим дословный перевод греческого оригинала.

„Ты строишь, как говорят, церковь в Пелусии, блестящую вымыслами, но [помраченную] дурными действиями, поборами за хиротонии, и неправдами, и обидами, и притеснениями бедняков, и издержками [собираемыми с] нищих, что есть не что иное, как сооружать Сион на потоках крови и Иерусалим на несправедливостях. Не желает же бог жертвоприношения из чужих достояний, но гнушается им, как приносимой в жертву собакою. Поэтому прекрати и строить и поступать несправедливо, чтобы в улику тебе от бога дом тот не оказался, высоко воздвигнутый, но вопиющий на тебя вечно [о том], из каких зол он выстроен, и встречая лишенных платы, и требуя возмездия за убытки“.

Текст послания к епископу Евсевию в Изборнике длиннее оригинала, потому что распространен вставкою из пророка Иеремии, гласящей в русском переводе: „Горе тому, кто строит дом свой неправдою и горницы свои беззаконием, кто заставляет ближнего своего работать даром и не отдает ему платы его“ (Иеремиа, XXII, 13). Цитата, как я полагаю, не принадлежит переводчику, но пошла из глоссы, с поля рукописи, может быть, той, с которой был списан Изборник, и расстроила конструкцию и связь изложения. В остальном оригинал передан точно и понятно.

Хотя переводчик вообще старался быть как можно более близким к греческому оригиналу, все же последний подвергнулся некоторой осмысленной переработке.

В письме к епископу Евсевию в Изборнике опущены слова греческого оригинала „поборами за хиротонии“, как указывавшие на явление, присущее развращенной византийской церкви, но чуждое еще патриархальной болгарской церковности X века.

В греческом тексте письма, названного в Изборнике „Коньчье Исидорово“ (л. 47 об.) и начинающегося словами „Чесо ради Каинъ и Ламехъ, разбой сътворивъша, не тѣчно мучена быста“, — письма, трактующего о нравственном различии между преступлением Каина и преступлением отца Ноя, Ламеха, признавшегося своим женам, что он убил мужчину и мальчика и испытывает нравственные мучения (Книга

бытия, 4, 23), есть слова: „Ибо есть божественный оракул, увещающий: «Скажи ты грехи свои сначала, чтобы оправдаться»“.

В Изборнике вместо этого читаем: „Сего ради, рече, повѣдай ты грѣхы своя прѣжде, да оправдишися“. Переводчик исключил слова „ибо есть божественный оракул“, понятные для наследников древнегреческой культуры, но ничего не говорившие болгарину X века, и заменил их неопределенно-личным глаголом „рече“. В этом случае переводчик сознательно произвел, как говорит акад. В. В. Виноградов в учении о безличных глаголах, устранение „производителя действия“¹ и придал слову „рече“ тот же смысл апофегматического обобщения, какой оно имеет в „Слове о полку Игореве“, в фразе: Помняшь бо, рече, первых времен усобице“. Это неопределенно-личное „рече“, равное употребляемому в поговорках и пословицах народно-украинскому „мовляв“,² вносит в древнеболгарский перевод Исидора элемент народного языка.

Письмо Исидора к пресвитеру Каллопию, начинающееся в Изборнике словами „Чоудиши ли ся, люблениче, како своихъ цръквьъ богъ не штати“ (л. 106), говорит о землетрясениях, которыми был обилен V век и которые вообще свойственны дельте Нила. В греческом подлиннике этого письма есть фраза: „И не печалься о том, что происходит ныне на твоих глазах“. В древнеболгарском тексте в Изборнике такой фразы нет: переводчик опустил ее как относившуюся к тому времени, когда было написано письмо, и потерявшую смысл в его время.

Таким образом, все эти три случая пропусков в древнеболгарских переводах Исидора, сравнительно с их оригиналами, находят объяснение: переводчик опускал то, что было чуждым современному ему читателю.

Отступления от греческого оригинала в отношении лексики также незначительны и не нарушают общего содержания. Синтаксическую сторону греческого текста переводчик воспроизводил точно, сохраняя синтаксические конструкции и не опуская ни одного союза. В переводах писем Исидора встречаем в Изборнике придаточные предложения, полностью соответствующие греческим конструкциям: дополнительные с союзами „како“ (ὡς) и „яко“ (ὅτι), времени с союзом „егда“ (ὅτε), цели с союзом „да“ (ὡς) и условные с союзом „аште“ (εἰ).

Но переводчик Исидора Пелусиота не дословно подражает греческому языку, он создает аналитический перевод однородных греческих конструкций на древнеболгарский язык, не навязывая последнему чуждого построения речи.

Можно указать только один случай, когда переводчик подчинился типически-греческой конструкции и ввел ее в свой язык. В греческом языке со многими непереходными глаголами, в том числе с глаголом *παύμαι* — „перестаю“, соединяется предикативное причастие, например: „Я перестал говорить“ — по-гречески *πέπαυμαι λέγων* („Федон“ Платона), что дословно значит „я перестал говорящий“.

В древнеболгарском и в древнерусском языках глагол „прѣстати“ требует инфинитива, как, например, у Даниила Заточника: „Уже бо прѣстану глаголати“. Но в Изборнике в переводе письма к епископу Евсевию вместо „прѣстани оубо зиждити и неправьдовати“ сказано „прѣ-

¹ В. В. Виноградов. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1947, стр. 463.

² Например: „Прийшлось сусідові, мовляв, хоч сядь та й плач“ (Гринченко. Словар української мови, II, стр. 437).

стани оубо зиждя и неправъдоуя“, что в точности передает конструкцию греческого оригинала: *παῦσαι τοῖνον καὶ κτίζων καὶ ἀδικῶν*.

Если исключить последнюю конструкцию, то можно сказать, что древнеболгарский переводчик Исидора Пелусиота обладал в области лексики и синтаксиса достаточными достижениями для перевода греческих оригиналов, представлявших наследие древнегреческого языка, получившего еще за три века до Исидора талантливую грамматическую разработку в виде синтаксиса Аполлония Дискола.

Высокая степень развития древнеболгарской речевой культуры, обнаруживаемая в переводах писем Исидора, не была чужда самому памятнику, и от нее, конечно, зависело то, что Изборник нашел продолжительный резонанс на русской почве, от середины XI по XVII век, о чем свидетельствует одна из рукописей, в составе которой А. С. Архангельский обнаружил список „Вопросов и ответов Григория Богословца“ „в том же самом виде без малейших изменений“, как они читаются в Изборнике 1073 года.¹

¹ А. С. Архангельский. Творения отцов церкви в древнерусской письменности, I—II. Казань, 1889, стр. 189.